

Блок 7

Анна Гордеева

Даниэль Ларрье, вероятно, не однажды проклял тот день и час, когда ему пришла в голову идея поступить в школу садоводов. Он пробыл в ней недолго и вот уже более пятнадцати лет занимается танцем, а не подравниванием кустов, но первое, что о нем сообщает любой буклет, — это то, что он учился на садовника. Даже где-нибудь в фундаментальной энциклопедии танца (куда у него есть шанс попасть, ибо интересен он не только своим неоконченным образованием) наверняка будет строчка про садово-парковое искусство. Ну и ладно. Перейдем к другим строчкам.

В них прежде всего должно быть определение страны — школы — направления — образа мыслей. Здесь сомнений нет: французский современный танец (отсылка к статье, где говорится, что это такое). То, чем выделяется из «ряда именов» — *особое* внимание к повествовательности танца.

Танец как способ высказывания,

Сегодня — 1996 — 4 марта — с. 10

Карьера танцовщика

Чеховский фестиваль. «Рукоделие».

Национальный хореографический центр Тура под руководством Даниэля Ларрье

как *буквальная* замена слова интересен Ларрье в большей степени, чем его коллегам и современникам. В идеальном классическом балете, обыкновенно минуя мысль и приходящем напрямую к эмоции, Ларрье не находит для себя средств работы — а современный танец, часто высказывающий мысль, но не слово, ему становится тесен. Громадный кусок интересной для себя пластики хореограф находит совсем рядом с обычным миром — в мире глухонемых. И использует эту пластику.

Программа «Рукоделие», представленная Даниэлем Ларрье и его труппой, оказалась набором миниатюр, связанных между собой принципами постановки, что естественно, и единой интонацией спектакля, что тоже принято ожидать, однако в реальности случается не часто. Три миниатюры спектакля впрямую связаны со словами, но при этом не скучны и не примитивны.

Все три вещи — «Будем любить» в постановке Паскаль Убэн, исполненная Даниэлем Ларрье, «Красивая девочка», *рассказанная* Лоранс Рандони, и «Со временем», где Ларрье был и хореографом и танцовщиком, — пластические переложения песен Лео Ферре. Но... это не похоже на сурдоперевод. Это похоже на танец, танцем и является, ибо Ларрье использована мощная традиция Азии. Та повествовательность, что вовсе не исключает поэтичности. «Эмми» — монолог-воспоминание о Таиланде — представляет собой образец *усвоенной* чужой пластики. Это не тайский танец; но и не классиче-

ски-европейский; скорее высказывание человека современной Европы, где соединяются традиции и языки.

То, что обеспечивает Ларрье успех в поисках новых областей для обогащения словаря, — тщательность, рационализм, очень спокойное чувство юмора (того юмора, что никогда не переступит границ, за которыми начинается серьезная насмешка) — мешает хореографу в моменты, когда он посещает старые места». Его посвященная Нижинскому миниатюра, которую он исполняет с Паскалин Веррье, — увы, ничего общего с Нижинским не имеет. Даже музыка Стравинского звучит отстраненно-холодно; и несколько жестов а la фавн ситуации не меняют: Ларрье слишком здоров для того, чтобы где-нибудь совпасть с Нижинским. К счастью для хореографа, разумеется.

Даниэль Ларрье художник, а художники на самом-то деле всегда — подсознательно — все о себе знают. Поэтому Ларрье и продолжает экспансию на иные территории, не слишком задерживаясь в мемориальных пространствах. «Мария Лао», маленький отрывок из балета «Джунгли на планете Венеры», вторгается на территорию мюзикла и делает это неожиданно, легко и забавно.

Возвращаясь к возможной статье в энциклопедии: с 1993 года Даниэль Ларрье руководит Национальным хореографическим центром Тура. Ставит спектакли для «Опера де Пари», Франкфуртского балета, Авиньонского фестиваля. Роз не выращивает.